

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ, ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

PROBLEMS OF METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE OF COUNTERACTING MODERN CRIME

Научная статья

УДК 343.9

EDN EFRVMP

DOI 10.17150/2500-4255.2025.19(2).115-125

МЕТОДОЛОГИЯ В УГОЛОВНОЙ СОЦИОЛОГИИ М.Н. ГЕРНЕТА

Н.П. Щукина

*Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара,
Российская Федерация*

Информация о статье

Дата поступления

7 марта 2025 г.

Дата принятия в печать

9 июня 2025 г.

Дата онлайн-размещения

17 июня 2025 г.

Ключевые слова

Уголовная социология; криминология;
методы криминологии; длительное
наблюдение; социологическая
экспертиза; доверие; научное
исследование

Аннотация. Анализ методологии уголовной социологии М.Н. Гернета базируется на изучении наиболее крупных и известных работ ученого в 1920-х гг. Обосновывается значимость именно этого периода в изучении наследия «отца» и одного из организаторов советской криминологии. Делаются выводы об особенностях организации проводимых Гернетом исследований в «золотой век» отечественной криминологии. Обращается внимание на общее в оценках состояния отечественной криминологии, даваемых Гернетом в 1920-е гг., с оценками особенностей современной российской криминологии, представленными в работах ведущих криминологов страны. В частности, крайне важно, говоря о настоящем, заглянуть в прошлое, как и обратиться к широкому исследовательскому контексту, включая работы ведущих криминологов современности с акцентом на методологических основаниях проводимых ими исследований. Подчеркивается, с одной стороны, роль статистических исследований, с другой — их явная недостаточность в изучении «живой души» человека, заключенного в тюрьму. Постулируется необходимость сочетания анкетирования с индивидуальными интервью, установления доверительных отношений с респондентами, у которых есть чему научиться исследователям. Акцент делается и на таких новых методах исследования, как социологическая экспертиза и длительное наблюдение, освоение которых ставит перед учеными такую тему, как изучение языка осужденных. Наряду с этим фокусируется внимание и на исследовательской триангуляции, как сказали бы мы сегодня, оперируя языком современной науки. Речь идет о внимании, уделяемом Гернетом исследовательской команде, включающей в себя нередко как ученых, чиновников, сотрудников судов, тюрем, вносящих в исследовательский процесс собственное видение, так и студентов — будущих ученых и практиков сферы юриспруденции. Высказывается предположение об изучении будущими юристами наследия Гернета как фактора, способствующего усилению их исследовательской подготовки.

Original article

METHODOLOGY IN THE CRIMINAL SOCIOLOGY OF M.N. GERNET

Nina P. Shchukina

Samara National Research University, Samara, the Russian Federation

Article info

Received

2025 March 7

Accepted

2025 June 9

Available online

2025 June 17

Abstract. M.N. Gernet's methodology of criminal sociology is analyzed by studying his biggest and most well-known works of 1920s. The author proves the relevance of this very period in the legacy of the «father» and one of the organizers of Soviet criminology. The author also draws conclusions regarding the organizational specifics of research conducted by M.N. Gernet during the «golden age» of Russian criminology. Attention is paid to the commonalities in the assessments of the condition of Russian criminology given by M.N. Gernet in the 1920s, and the assessments of the some features of modern Russian criminology in the works of leading criminologists of the country. Specifically, when talking about the present, it is extremely important to look back at the past and use a wide research context, including the works of leading contemporary criminologists with a focus on the methodological basis of

Keywords

Criminal sociology; criminology;
criminological methods; long-term
observation; sociological examination;
trust; scientific research

their research. On the one hand, statistical research plays an important role, while on the other — it is evidently insufficient for studying the «living soul» of an incarcerated person. The necessity of combining questionnaires with one-on-one interviews and establishing trust with respondents, who the researchers could learn from, is stated. The author emphasizes such new research methods as sociological expertise and continued observation, which raise the research topic of studying the language of convicts. At the same time, attention is focused on what, in terms of modern science, is called research triangulation. It refers to the attention that M.N. Gernet paid to the research team which often included not only researchers, officials, court and prison employees bringing their own vision into the research process, but also students — future researchers and practitioners of law. It is suggested that the study of M.N. Gernet's legacy by future lawyers will strengthen their research training.

Цель данной статьи — в обозначении ряда методологических проблем, поставленных в уголовной социологии М.Н. Гернета. Разумеется, многочисленные труды ученого неоднократно анализировались как отечественными, так и зарубежными учеными, с фокусом внимания на самых разных аспектах его многогранной исследовательской и практической деятельности. Однако методологические аспекты проводимых им исследований отодвигались на задний план¹ или вовсе не рассматривались в многочисленных работах, посвященных наследию выдающегося российского ученого — «ведущего криминолога», «отца и одного из организаторов советской криминологии» [1, с. 258; 2, с. 198]. В силу сказанного, а также особенностей развития современной российской криминологии, думается, есть резон остановиться и на этом аспекте научной деятельности Михаила Николаевича Гернета. Тем более что год 2025-й — юбилейный год 120-летия со времени выхода в свет одного из лучших текстов ученого: «Социальные факторы преступности».

Подчеркнем, что тема методологии, одна из ключевых в современной криминологии, нашла отражение в многочисленных исследованиях, опубликованных в специализированных журналах, включая «Всероссийский криминологический журнал», «Journal of Qualitative Criminal Justice and Criminology»², «Journal of Quantitative Criminology». При этом отечественные ученые солидаризируются в признании необходимости теоретического и методического обновления российской науки [3–5]. Как постулировал

В.Е. Квашис, перефразируя М.М. Жванецкого, движение в криминологии есть, «продвижения нет» [6, с. 63]. Обращается внимание на нарочитую наукообразность, тиражирование, раздутость публикаций, небрежное отношение к научному аппарату, отсутствие самоиронии [7, с. 9]. Наблюдается фактическое абстрагирование многих отечественных криминологов от опыта и организации зарубежных криминологических исследований, методологических оснований этих исследований. Иначе говоря, повторяется ситуация, описанная в 1920-е гг. М.Н. Гернетом: большая часть литературы о преступности «почти исключительно на иностранных языках» и нередко неизвестна у нас, «на родине» [8, с. IV]. Между тем «преступность имеет так много общих или весьма сходных между собою черт, — постулировал ученый, — что теряет узкий национальный характер и приобретает взамен него международный» [там же, с. IV]. Вспоминается и другой, уже современный текст, автор которого замечает, что в отечественной криминологии «очень мало новизны и работ прорывного характера, нет свежих мыслей, теоретического содержания, т.е. объяснений» [3, с. 160].

Особую актуальность проблеме отсутствия «свежих мыслей» и «теоретического содержания» придает ситуация, сложившаяся на протяжении десятилетий в отечественной науке, когда зарубежный опыт, роль зарубежных исследований в развитии науки оказались сводимыми, по сути, к именам таких классиков, как Ч. Беккариа и И. Бентам, Р. Гарофало, Ч. Ломброзо, творивших в XVIII–XIX в., а также к нескольким именам ученых XX в., при абстрагировании от дискуссий, ведомых в современной западной науке, и даже от упоминания выдающихся современных криминологов, авторов новых, наиболее эмпирически проверенных, криминологических теорий и удостоенных ряда престижных в профессиональном сообществе

¹ Одно из немногих исключений — работа М.А. Погорелова «Полевые исследования в раннесоветской криминологии (1920-е годы)». См.: Социология власти. 2021. № 33 (3). С. 254–281.

² Данный журнал — лучший из журналов о качественной криминологии (с 2013 г.). См.: Journal of Qualitative Criminal Justice and Criminology (JQCJC) | Periodicals — PSRef.

наград³. Такая особенность российской криминологии нашла освещение и в работах зарубежных криминологов, пишущих о тенденции к самоизоляции российской криминологии, ее приверженности к прошлым эпистемологиям и дисциплинарным границам права [9]. Наблюдается и определенная некорректность в определении и использовании ключевых понятий и основных методов криминологии. Например, в учебной литературе порой читаем об «анкетировании уголовных дел» [5, с. 436], об опросах, которые «проводятся либо заочно (анкетирование), либо очно (интервью)» [10, с. 62]. В монографической литературе крайне редко дается полное описание методологических оснований проводимых исследований: остается, в частности, за кадром вопрос о методах анализа собранного эмпирического материала, типе используемой в исследовании выборки или типе интервью. Но одно дело, как кто-то сказал, помыть и почистить овощи, другое — нарезать их кубиками или натереть на терке. Справедливости ради, замечу, что данная проблема получила серьезное освещение на IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, проходившей в Университете прокуратуры РФ в марте 2024 г. [11].

Возвращаясь к теме данной статьи, согласимся с М.Н. Гернетом в том, что весьма полезно, говоря о настоящем, «заглянуть в прошлое» [8, с. XI]. Забегая вперед, подчеркнем, что к «методу исторического подхода» ученый неоднократно обращался, умело обнаруживая у своих предшественников «главное», «прогрессивное» [12, с. 616]. «Современный преступный мир, — подчеркивал ученый, — отнюдь не новорожденное детище... наоборот, возраст этого преступного мира — очень почтенный, и настоящее есть в наибольшей своей части наследие прошлого и иногда далекого прошлого» [8, с. XI]. К тому же криминология всегда, говоря словами И. Ньютона, стояла на плечах гигантов [13]. В дискурсе российской криминологии к таковым и относится М.Н. Гернет.

³ Речь идет о таких ученых, как Д. Фаррингтон, удостоенный ряда наград, в частности за «выдающийся вклад в криминологию», «за жизненные достижения», публикации которого, по данным Google Scholar на 26 ноября 2024 г., были процитированы в общей сложности 146 501 раз; его индекс Хирша составил 200, что означает следующее: 200 его публикаций были процитированы не менее 200 раз, а индекс i10 составил 832, что означает, что 832 его публикации были процитированы не менее 10 раз. См.: David Farrington 1944–2024 | BPS.

В силу сказанного сфокусируем внимание на трудах ученого главным образом 1920-х гг., ибо именно эти годы — один из лучших периодов в отечественной криминологии, в том числе с точки зрения зарубежных коллег [14; 15]. Действительно, в 1920-е гг. отечественная криминология стала «полноправной научной дисциплиной», в которой нашли отражение наработки западноевропейских ученых наряду с собственными успехами [2, с. 19]. Советская наука того периода существенно отличалась разнообразием и сложностью криминологических исследований, продублированных «в массовом масштабе на Западе только в период после Второй мировой войны» [14, р. 391]. В силу сказанного при отборе для непосредственного анализа работ ученого сделаем акцент на наиболее крупных и известных из них и опубликованных в обозначенный выше период.

Подчеркнем, в исследовательской деятельности анализируемого периода принимали участие самые разные специалисты, не только ученые, но и студенты, чиновники, сотрудники судов и тюрем, внося в научный процесс свое собственное видение. При этом, в силу междисциплинарности, криминология «сопротивлялась возникновению единообразной «корпоративной идентичности», создавая прочную исследовательскую базу, на которой произошло ее возрождение в последующие 1960-е гг. [2]. Более того, период 1922–1928 гг. можно считать «золотым веком» советской криминологии, эпохой ее подъема и развития [там же, с. 88]. Кстати сказать, «золотым веком» в развитии западной криминологии были объявлены лишь 1990-е гг. [16, р. 179].

Осознание неразработанности методологии в отечественной криминологии способствовало зарубежной командировке Гернета (1902–1904 гг.)⁴, в ходе которой ученый посетил основные криминологические центры Германии, Франции, Италии и Швейцарии [17, с. 11; 2, с. 71]. Монография «Социальные факторы преступности» (1905) — один из результатов этой командировки, другой результат — признание ученого лидером криминологов левого крыла, работающим над проблемным полем уголовной социологии [2, с. 70]. Кстати сказать, сам ученый, как и другие известные криминологи того времени, использовал именно термин «уголовная социология» в отличие от некото-

⁴ В 1925 г. ученый пребывая в очередной раз в «заграничной командировке» в Англии и Бельгии.

рых современных авторов, использующих даже при анализе его наследия другой термин: «уголовно-правовая социология» [18, с. 519, 522].

Исследователи наследия ученого, неоднократно ссылаясь на его «Социальные факторы преступности», как и другие его труды, акцент делают, как правило, на изучаемом им проблемном поле, а не на используемых методах исследования. Тем не менее целая глава данной монографии посвящена именно методам, с акцентом на их роли в обеспечении научного характера проводимых исследований, на предупреждении о рисках преувеличений и крайностей в использовании этих методов, особенно в периоды появления таких новых научных направлений, как уголовная социология [19]. Да и в последующих работах ученого тема методологии не отодвигается на задний план проводимых им исследований.

Особо значимым в аспекте темы настоящей статьи является то, как Гернет трактует саму дефиницию уголовной социологии. Сопоставляя разные точки зрения касательно связи уголовного права и социологии, ученый солидаризируется, по сути, с «почти всеми сторонниками социологической школы». Трактую науку уголовного права в широком смысле, ученый прибегает к метафоре дерева, ветвями которого, соединенными между собой общим стволом и питающимися одними и теми же соками, являются ряд дисциплин. Одна из них — криминология, изучающая преступления как внешние деяния и раскрывающая их причины. Внутри криминологии, в свою очередь, выделяется уголовная социология (исследует преступность как общественное явление, раскрывая ее социальные факторы) и уголовная антропология (изучает преступление как явление в жизни отдельного человека). Наряду с криминологией ветвями данной науки являются «наука уголовного права в узком смысле» (занимающаяся систематическим изложением правовых понятий) и уголовная политика («учение о наиболее пригодных средствах борьбы с преступностью»), базирующаяся на уголовной социологии и антропологии в силу того, что успешная борьба с преступностью возможна лишь на основе знания причин преступности [19]. Таким образом, уголовная социология — составляющая криминологии.

Ученый обращал внимание в данной работе и на наличие существенных отличий науки уголовного права от естественных наук, что важно учитывать при выборе методов исследования,

предупреждая тем самым ученых о возможных методологических ошибках. Примечательно неоднократное обращение ученого к потенциалу наблюдения в исследовательской деятельности, независимо от того, как трактуется уголовное право и его связь с криминологией, другими науками. Гернет подчеркивал «громадное значение» данного метода в изучении личности малолетних преступников. Кстати сказать, полемизируя с другими учеными, Гернет подчеркивал, что уже в фокусе внимания представителей классического направления была тема личности малолетних преступников, роли «язв той семейной обстановки и общественной среды», в которой обыкновенно и вырастают эти «предоставленные надзору улицы» дети. Именно метод наблюдения, согласно Гернету, привел классиков к признанию огромного значения смягчения наказания для несовершеннолетних и мер «предупредительно воспитательного характера» в борьбе с преступностью малолетних. Не менее примечательно и обращение ученого в данной работе к необходимости изучения личности преступника в целом задолго до того, как будет создан кабинет по изучению личности преступника и преступности, а затем и институт по изучению преступности и преступника.

Знаковую роль в разработке исследуемой темы сыграл первый в СССР по времени и наибольший по масштабу работы московский «Кабинет по изучению личности преступника и преступности» (1923 г.). «Это был первый в истории русской научной мысли случай, — отмечал Гернет, — когда тюремные двери открылись перед не состоявшими в штатах мест заключения криминалистами-социологами» [20, с. 16]. По замечанию ученого, это была возможность «дойти до живых преступников», «приблизиться к ним» [15]. Таким образом, социологи получили столько же прав внутри пенитенциарной системы, сколько психиатры [1, с. 258]. Более того, Гернет обратил внимание на отличие методов, используемых отечественными криминологами, в сравнении с зарубежными. Речь идет о том, что криминологией за рубежом занимались в основном медики; в нашей стране стало использоваться «длительное социологическое наблюдение за представителями преступного мира» [20, с. 18]. Освоение ученым данного метода связано с растущим пониманием необходимости изучения языка преступников, к исследованию которого в нашей стране «еще не подходили». При этом обозначался потенциал изучения

данного языка в понимании внутреннего мира преступников, где «много юмора, сарказма» и т.п. [8, с. XXXVI]. Задолго до лингвистического поворота в социальных науках Гернет обратил внимание на то, что самомаркировка разными по смыслу словами может как уменьшать, так и стигматизировать силы и намерения исходного ярлыка. Он писал, что если Ломброзо создал теорию прирожденного преступника, то нам «иногда хочется поставить слова преступный мир в кавычки и тем самым подчеркнуть условность понятия преступности, ее изменчивость и зависимость от условий времени и места» [там же, с. XLI]. Таким образом, он взывал к необходимости изучения факторов, производящих «преступный мир», способов такого производства. Внимание исследователей тем самым перенаправлялось, по сути, на конституирование «преступного мира» как текста, повествования непрерывно изменяющегося сценария. Акцентировалось внимание на том, что преступный мир — хотя бы частично — конструируется языком. Сказанное выше позволяет заключить, что ряд вопросов, которые в последующем станут сущностными характеристиками конститутивной криминологии [21], были — так или иначе — сформулированы М.Н. Гернетом.

Тема языка, потенциала его научного изучения актуализирована и в работе о татуировках преступников [22]. Заметим, татуировка — это самая древняя и распространенная форма модификации тела [там же, с. 219]. Кстати сказать, Ч. Ломброзо был одним из первых ученых, обративших внимание на преступников как основных носителей татуировок, на разнообразие татуировок в преступной среде. При этом он считал, что татуировки, типичные черты преступников, являются одним из признаков атавизма. «Если все это не признаки атавизма, — постулировал ученый, — то атавизма не существует в науке» [23, с. 180]. Гернет, полемизируя с Ломброзо, обращается как к зарубежной («обширной», по замечанию ученого) литературе по данному вопросу [22, с. 218], так и к собственным работам, включающим в себя ряд визуальных данных о татуировках преступников разного возраста, пола и т.д. Кстати сказать, визуальный поворот произойдет в криминологии, по сути, лишь в XXI в. [24], тем не менее Гернет, обращая внимание на потенциал, в том числе визуальных данных, предложил иное — не ломброзианское — описание взаимосвязи татуировок и природы преступника. Ученый пришел к вы-

воду, что татуировки — «не наглядное доказательство атавистического происхождения преступности», а результат «противоестественного режима тюрьмы», способного иногда превратить заключенного в дикаря, «развивая в нем вкусы и привычки его отдаленного предка» [22, с. 246]. Подчеркнем, что вывод Гернета о неразрывной связи феномена тюремных татуировок с самой природой пенитенциарных учреждений сделан с учетом, в том числе исследовательских практик зарубежных коллег. Тем самым Михаил Николаевич продемонстрировал в очередной раз блестящее знание как отечественной, так и зарубежной науки, ее истории. В частности, интерпретируя собранный эмпирический материал по тематике татуировок заключенных, Гернет соотносил свои выводы с «более значительными или более интересными работами зарубежных коллег», имевшими 50-летний опыт соответствующей исследовательской деятельности [там же, с. 218–221]. Примечательно, что результаты, так сказать, полемики Гернета и Ломброзо, точнее, подтверждения его выводов о связи татуировок и личности преступников нашли отражение в современных криминологических текстах. В частности, современные криминологи объясняют тюремные татуировки как свидетельства создаваемого осужденными в тюрьмах «своего государства» и как вызов нормам, навязываемым им, несмотря на риски, препятствия и запреты [25, р. 19].

Таким образом, повторим, именно в условиях открытия в 1920-е гг. дверей тюрем для ученых, не имевших ранее доступа к «преступникам в местах заключения, где только и... возможно их систематическое наблюдение» [22, с. 218], был осуществлен выход в свет первых в нашей стране публикаций и по тематике татуировок с постановкой проблемы, о потенциале визуальных данных в изучении личности преступника; вхождение в исправительные учреждения способствовало формулировке новых исследовательских проблем и более активному использованию таких методов, как наблюдение, включая «длительное наблюдение», а также визуальный анализ данных⁵.

Словом, оценка Кабинета, даваемая ученым как явления «самобытного, вне всяких иностранных влияний» [20, с. 16], вполне

⁵ Разумеется, понятие «визуальный анализ данных» появится в криминологии гораздо позже, но становление такой работы и ее описание мы находим в анализируемых текстах М.Н. Гернета.

уместна. Значимую роль в организации и проведении исследований играло обеспечение Кабинета литературой: выписывалось 18 журналов, включая, наряду с русскими, английские, бельгийские, французские, итальянские и др. [26, с. 32]. Опыт работы Кабинета изучался зарубежными коллегами.

Известно, что в эти годы (1919–1930) Гернет возглавлял отдел моральной статистики в Центральном статистическом управлении [2, с. 35]. Более того, все опубликованные в 1919–1930 гг. статистические сборники, содержащие материалы моральной статистики, были выполнены под его руководством [27, с. 26]. Методологически значимыми для организации и проведения эмпирических исследований стали и указатели русской и иностранной литературы по изучаемой тематике, неоднократно издаваемые ученым. Подчеркнем, что Гернет владел несколькими иностранными языками, что сыграло знаковую роль в его профессиональном развитии, а также, благодаря его усилиям, ознакомлении отечественных ученых с лучшими практиками зарубежных исследований. Кстати сказать, в XIX в. исследователи могли контактировать только с двумя или тремя зарубежными коллегами, устанавливая такие контакты через переписку и подписку на журналы [28, р. XVI]. С конца XIX в. криминологами проводились международные конгрессы пенитенциарные, и не только конгрессы (с 1872 г.). Был создан Международный союз криминалистов (в 1888 г.), в русской группе которого активно работал М.Н. Гернет.

Тем не менее сохранялись географические и языковые барьеры, препятствующие развитию науки⁶. Знание языков классиков криминологии, участие в международном профессиональном сообществе способствовали не только профессиональному развитию ученого, но и оснащению Кабинета (в последующем Государственного института по изучению преступности и преступника) лучшими профессиональными текстами. Сказан-

ное нашло отражение в результатах очередной научной командировки ученого (1925), по итогам которой библиотека названного выше института⁷ получила около 2 000 иностранных журналов и книг [29, с. 22]. Разумеется, такая оснащенность лучшими текстами по проблемам уголовной социологии способствовала обеспечению качества проводимых исследований. Способствовало этому и внимание, уделяемое ученым понятийному аппарату в проводимых им исследованиях. Так, организуя социологические исследования, М.Н. Гернет большое внимание уделял описанию программ этих исследований, смысловым характеристикам самого понятия «социологическое исследование» [20, с. 17]. Ученый характеризовал социологическое исследование как «исследование преступности как социально-экономического явления», определяющее «место преступности среди других социальных явлений, ее соотношение с ними», изучающее «законы, управляющие движением различных преступлений и всей преступности в целом», определяющее «такие типические черты представителей различных видов преступности, которые дают возможность говорить о «социальном типе» или вернее о «социальных типах» преступного мира во всех его разновидностях» [там же].

В силу сказанного выше акцент в работах ученого, повторим, делался на результатах проводимых им количественных исследований с использованием материалов статистики разного типа и уровня. Гернет был убежден, что материалы статистики осужденных наиболее пригодны при изучении преступности. Но это далеко не единственные материалы [30, с. 559]. Он обращал внимание и на значимость протоколов, жалоб в органы милиции, розыска и следствия, тюремных инструкций, а также таких уникальных документов, как переписка заключенных и «нелегальные рукописные тюремные журналы» [там же; 31]. Ученый замечал, что ни одно наблюдение не сможет дать такой глубокой информации о «тюремной скуке, как изученный им нелегальный рукописный тюремный журнал, выходивший в Бутырской тюрьме в начале девятисотых годов [31].

Тем не менее анкетный опрос был самым популярным как в связи с социоэкономической парадигмой советской криминологии, так и с

⁶ Некоторые криминологи, не знающие иностранных языков (включая американские), не могли общаться с зарубежными коллегами. Французский язык был языком общения ученых XIX в. (французы разработали большую часть криминологической теории того периода). Тем не менее «L'uomo delinquente» Ч. Ломброзо, самый значительный труд в криминологии XIX в., был переведен на французский через 10 лет после его первой публикации в 1876 г. на итальянском языке, на английский не был переведен до 1911 г. Кстати, Ломброзо имел коллег в России. И ряд его работ был переведен на русский язык гораздо раньше, чем на английский [8, р. XVI].

⁷ Институт, одной из целей которого была разработка системы и методов изучения заключенных, был создан в 1925 г. М.Н. Гернет руководил социально-экономической секцией данного института.

возможностью получения данных по разным областям исследований [15, р. 131, 137]. Так, весной 1923 г. по специально разработанной программе было проведено одно из крупнейших исследований заключенных арестных домов г. Москвы. Было опрошено более 2 000 чел. по анкете, состоящей из трех частей, с акцентом на изучении социальной среды преступника, а также психиатрической и антропологической составляющих [8, с. XXVIII]. Подчеркнем, что Гернет в контексте более глубокого изучения преступности неоднократно обращал внимание на значимость участия в проводимых исследованиях разных специалистов. К проводимым исследованиям привлекались и студенты Московского университета (до 150 чел.) [там же, с. VIII–IX]. Тем самым им прививался вкус к исследовательской деятельности. Более того, некоторые из них стали крупными учеными.

Немалая роль в получении сущностной информации отводилась Гернетом «индивидуальным беседам» с осужденными, которые сегодня мы бы назвали глубинными интервью. Такие беседы особо значимы в контексте приоритетов, описанных ученым при изучении тюрьмы: «живая душа человека, заключенного в тюрьму, с особенностями его переживаний» должна интересовать исследователя [8]. Гернет обращал большое внимание на условия организации такой беседы, замечая, что основным из них, пожалуй, является не инструмент исследования, «не усердие и интерес самих бескорыстных работников», а «самое полное доверие» заключенных [там же, с. IX]. И далее Михаил Николаевич с гордостью отмечал, что «в громадном большинстве случаев», «кроме единичных исключений», устанавливалось «самое полное доверие» с заключенными. И знаковая роль в таком успехе, по мнению ученого, принадлежала уяснению обследуемыми того, что проводимое исследование не преследует никаких целей «отягчения участи каждого из них, что здесь ставится лишь одна задача чисто научного содержания» [там же]. Любопытен факт, описанный Гернетом, о роли доверительных отношений исследователя с респондентами, понимания того, что они могут многому научить исследователя. Гернет вспоминал как арестантки, убедившись в сугубо научном характере исследования, подбадривали друг друга, призывая честно отвечать на поставленные вопросы. Более того, одна из них, «рецидивистка-воровка и проститутка», призывала другую быть искренней: «Говори

всю правду: люди учатся!» [8, с. IX]. В этой связи вспоминается история становления уже в конце XX в. криминологии осужденных, согласно которой точки зрения заключенных не менее весомы, чем позиции ученых, и они многому могут научить исследователей [32].

Гернет, как и другие ученые рассматриваемого периода, неоднократно замечал, что выводы в его исследованиях базируются в том числе на «личных беседах» с правонарушителями, включая заключенных. В публикуемых монографиях, научных статьях нередко были представлены подробные биографии преступников, описание обстоятельств их личной и семейной жизни, повлиявших на формирование личности правонарушителей, ставших преступниками [2, с. 35; 8, с. I–XLI]. Обратим внимание и на ту роль, которую отводил ученый описанию методологии проводимых им исследований: назывались размеры выборочных совокупностей, при разработке инструмента исследования фокусировалось внимание на ключевых его вопросах, на времени и месте проведения этих исследований и т.п. [22, с. 238], что порой отсутствует, повторим, в целом ряде работ современных исследователей. Более того, как заметил в свое время И.И. Карпец, Гернет использовал наиболее совершенную для своего времени методику изучения преступности: сочетание «личного интервью» и «анкетирования» [12, с. 618]. Сам ученый замечал, что «правильное представление о всей преступности» может дать только сочетание массового опроса и изучения «отдельных представителей преступного мира» [8, с. III], «массового обследования и индивидуального наблюдения». Это и есть «характерная черта научной деятельности», как подчеркивал ученый [там же, с. VII]. Более того, обобщая работу Кабинета вообще и «криминалистов-социологов» в частности, Гернет обращал внимание на то, что используемые ими методы отчасти отличаются от методов работы «заграничных лабораторий», которые, как правило, организованы при тюрьмах (за исключением американских); и там господствует «клиническое» исследование преступности. В нашей же стране московский Кабинет превратил Арбатский арестный дом в такую «клинику», где сотрудники Кабинета вели «постоянное дневное и ночное наблюдение-обследование с записями результатов: в дневники». У российских исследователей появилась «завидная возможность длительного социологического наблюдения за представите-

лями преступного мира» [20, с. 18]. Как видим, на использование метода наблюдения в эмпирических исследованиях Гернет неоднократно обращал внимание. При этом в проводимых им исследованиях не был дан ответ на вопросы типа: какой вид наблюдения использовался, какие роли проигрывал ученый в ходе проводимых им исследований и т.п. Сказанное касается и бесед с осужденными, часто используемых в исследованиях ученого. Обращаясь к контексту анализируемых работ, можно заключить, что в ряде случаев это были формализованные, в других — неформализованные интервью, включенные и иные типы наблюдения. Но стоит ли это нам на это обращать внимание, памятуя о том, что в период жизни и деятельности Гернета учеными использовалась другая терминология, не помешавшая им внести существенный вклад в развитие мировой уголовной социологии?

Михаил Николаевич отмечал и необходимость освоения криминологами «совершенно нового» метода — социологической экспертизы. «Социологическое освещение личности», согласно мнению ученого, может дать суду материал «для правильного выбора надлежащей меры социальной защиты» [там же, с. 19]. Кстати сказать, фокусировка внимания ученого на правильном выборе надлежащей меры социальной защиты является иллюстрацией понимания социальной природы преступности, нашедшего отражение в УК РСФСР 1926 г.⁸, в котором термин «наказание» был заменен другим: «меры социальной защиты»⁹. Это с одной стороны, а с другой, сказанное выше позволяет заключить, что ученый постоянно держал в фокусе своего внимания практическую направленность проводимых исследований и собираемого в ходе них эмпирического материала. Более того, прибегая

к разнообразным методам в ходе научной работы, Гернет обращал внимание и на растущее разнообразие тематической направленности исследований, проводимых им с его коллегами: фокусировалось внимание на темах, наряду с ранее озвученными, самоубийств, проституции, аборт и др. [20, с. 19–20].

Резюмируя сказанное выше касательно уголовной социологии Гернета, подчеркнем, с одной стороны, роль, отводимую им статистическим исследованиям в изучении преступности, с другой — их явную недостаточность в изучении «живой души» человека, заключенного в тюрьму. Согласно ученому, «правильное представление о всей преступности», может дать только сочетание массового опроса, индивидуального наблюдения и интервью [8, с. III, VII], что и есть характерная черта научной деятельности. Кстати сказать, С.В. Познышев еще в 1911 г. предлагал использовать массовые и индивидуальные методы при изучении осужденных и первым стал практиковать выездные исследования в тюрьмы [33, с. 191]. Гернет же ведет речь уже о систематической работе отечественных ученых на этом поле. Научная деятельность, согласно Гернету, — это тщательно продуманная методология, связанная с описанием не только методов, но и размеров выборочной совокупности, времени и места проведения исследования, а также команды исследователей, что, повторим, отсутствует порой в целом ряде работ современных исследователей. Научное исследование — это и установление доверительных отношений с респондентами, понимание того, что и у них исследователям можно кое-чему научиться. Такое понимание научной деятельности способствует разработке ученым и его коллегами новых методов, включая социологическую экспертизу и длительное наблюдение, способствующих формулированию новых тем исследовательской деятельности. Коль скоро так, то есть резон вести речь о том, что возрождение потенциала уголовной социологии Гернета в отечественной науке способствовало бы повышению качества наших исследований, а изучение этого потенциала студентами — не только повышению их исследовательской подготовки, но и развитию науки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Погорелов М.А. Полевые исследования в раннесоветской криминологии (1920-е годы) / М.А. Погорелов. — DOI 10.22394/2074-0492-2021-3-254-281. — EDN HECHXG // Социология власти. — 2021. — № 33, № 3. — С. 254–281.
2. Ковальски Ш. Правонарушительницы. Женская преступность и криминология в России (1880-1930) / Ш. Ковальски. — Санкт-Петербург : Academic Studies Press, 2021. — 375 с.

3. Антонян Ю.М. Методологические проблемы криминологии / Ю.М. Антонян. — DOI 10.35427/2073-4522-2024-19-2-antonian. — EDN MFFLWA // Труды Института государства и права РАН. — 2024. — Т. 19, № 2. — С. 159–172.
4. Gurinskaya A. Russian Criminology as «Terra Incognita»: Legacies of the Past and Challenges of the Present / A. Gurinskaya // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. — 2017. — Vol. 41, iss. 2. — P. 1–21.
5. Щукина Н.П. О некоторых методологических аспектах криминологических исследований / Н.П. Щукина. — EDN FQWSLQ // Государство и право: вопросы методологии, истории, теории и практики функционирования : сб. науч. тр. / отв. ред. А.Г. Безверхов. — Самара, 2022. — Вып. 4. — С. 425–442.
6. Квашиш В.Е. Проблемы качества криминологических исследований: истоки и симптомы болезни / В.Е. Квашиш. — DOI 10.12737/art_2018_6_6. — EDN XOSSJF // Журнал российского права. — 2018. — № 6. — С. 58–68.
7. Квашиш В.Е. Проблемы повышения уровня виктимологических исследований / В.Е. Квашиш. — EDN YUUIPV // Виктимология. — 2018. — № 1 (15). — С. 7–12.
8. Преступный мир Москвы : сб. статей / А.М. Ароновича, Н.Н. Геденова, М.Н. Гернета [и др.]; под ред. М.Н. Гернета. — Москва : Право и жизнь, 1924. — XLI, [1], 246, [2] с.
9. Chistyakova Y. Russian Criminology: a Silenced Voice? / Y. Chistyakova // Marginalised Voices in Criminology: Theory, Criminal Justice, and Contemporary Research / eds. K.J. Stockdale, M. Addison. — 1st ed. — London, 2024. — 252 p.
10. Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма, 2013. — 1008 с.
11. Методология и методики проведения криминологических исследований и экспертиз (Долговские чтения) : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 21–22 марта 2024 г. / науч. ред. В.В. Меркурьев. — Москва, 2024. — 660 с.
12. Карпец И.И. О теоретических концепциях М.Н. Гернета по проблемам преступности / И.И. Карпец // Гернет М.Н. Избранные произведения / отв. ред. А.Б. Сахаров. — Москва : Юрид. лит., 1974. — С. 614–622.
13. Dooley B.D., Rocque M. Criminology's Future is in its Past / B.D. Dooley, M. Rocque. — DOI 10.1016/j.jcrimjus.2023.102043 // Journal of Criminal Justice. — 2023. — Vol. 85. — P. 102043.
14. Shelly L. Soviet Criminology after the Revolution / L. Shelly // The Journal of Criminal Law and Criminology. — 1973. — Vol. 70, no. 3. — P. 391–396.
15. Pinnow K.M. From All Sides: Interdisciplinary Knowledge, Scientific Collaboration, and the Soviet-Criminological Laboratories of the 1920s / K.M. Pinnow // Slavic Review. — 2017. — Vol. 76, iss. 1. — P. 122–146.
16. Wright R.A. The Chronicles of the Renaissance: Recent Textbooks in Theoretical Criminology / R.A. Wright // Journal of Criminal Justice Education. — 2000. — Vol. 11, iss. 1. — P. 179–201.
17. Герцензон А. Михаил Николаевич Гернет, его жизнь, общественная и научная деятельность (1874–1953 гг.) / А. Герцензон // История царской тюрьмы : в 5 т. / М.Н. Гернет. — Москва : Гос. изд-во юрид. лит., 1960. — Т. 1. — С. 8–43.
18. Луцкий А.И. Вклад профессора М.Н. Гернета в развитие юридической науки / А.И. Луцкий, М.И. Луцкий, Б.В. Киндюк. — DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(3).519-529. — EDN XBLGGZ // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 3. — С. 519–529.
19. Гернет М.Н. Социальные факторы преступности / М.Н. Гернет. — Москва : Университет. тип., 1905. — 205 с.
20. Гернет М.Н. Изучение личности преступника в СССР и за границей / М.Н. Гернет. — Москва : Издание Мосздравотдела, 1925. — 66 с.
21. Henry S. Constitutive Criminology: the Maturation of Critical Theory / S. Henry, D. Milovanovic // Criminology. — 1991. — Vol. 29, no. 2. — P. 293–316.
22. Гернет М.Н. Татуировка в местах заключения г. Москвы / М.Н. Гернет // Преступный мир Москвы : сб. ст. / А.М. Ароновича, Н.Н. Геденова, М.Н. Гернета [и др.]. — Москва, 1924. — С. 218–246.
23. Ломброзо Ч. Преступный человек / Ч. Ломброзо. — Москва : Эксмо, 2005. — 880 с.
24. Visual Criminology. From History and Methods to Critique and Policy Translation / ed. J. Wheeldon. — 1st ed. — New York, 2021. — 332 p.
25. Batricevic A. The Role of Tattoos in Prison Community / A. Batricevic. — DOI 10.47152/rkpk.58.3.1 // Journal of Criminology and Criminal Law. — 2020. — Vol. 58, iss. 3. — P. 7–22.
26. Краснушкин Е.К. Кабинет по изучению личности преступника и преступности / Е.К. Краснушкин // Изучение личности преступника в СССР и за границей / М.Н. Гернет. — Москва : Издание Мосздравотдела, 1925. — С. 21–35.
27. Шаргородский М.Д. Михаил Николаевич Гернет / М.Д. Шаргородский // Избранные произведения / М.Н. Гернет. — Москва : Юрид. лит., 1974. — С. 8–36.
28. Raffle N.H. The Origins of Criminology / N.H. Raffle. — London, 2009. — 376 p.
29. Страницы истории и очерки о научных школах Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ / Е.А. Прянишников, Т.Я. Хабриева, В.И. Лафитский [и др.]. — 4-е изд., доп. и перераб. — Москва : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ, 2015. — 568 с.
30. Гернет М.Н. Избранные произведения / М.Н. Гернет. — Москва : Юрид. лит., 1974. — 640 с.
31. Гернет М.Н. В тюрьме. Очерки тюремной психологии / М.Н. Гернет. — Москва : Право и Жизнь, 1925. — 149 с.
32. Щукина Н.П. Криминология осужденных в российском дискурсе / Н.П. Щукина. — DOI 10.18287/2542-047X-2021-7-4-102-108. — EDN RAJZFR // Юридический вестник Самарского университета. — 2021. — Т. 7, № 4. — С. 102–108.
33. Познышев С.В. Об изучении преступника в науке уголовного права / С.В. Познышев // Вопросы права. — 1911. — № 8 (4). — С. 190–231.

REFERENCES

1. Pogorelov M.A. Field Research in Early Soviet Criminology in the 1920s. *Sotsiologiya vlasti = Sociology of Power*, 2021, no. 33, pp. 254–281. (In Russian). EDN: HECXHG. DOI: 10.22394/2074-0492-2021-3-254-281.
2. Koval'ski Sh. *Female Offenders. Female Crimes and Criminology in Russia (1880-1930)*. Saint Petersburg, Academic Studies Press Publ., 2021. 375 p.

3. Antonyan Y.M. Methodological Problems of Criminology. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2024, vol. 19, no. 2, pp. 159–172. (In Russian). EDN: MFFLWA. DOI: 10.35427/2073-4522-2024-19-2-antonyan.
4. Gurinskaya A. Russian Criminology as «Terra Incognita»: Legacies of the Past and Challenges of the Present. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, 2017, vol. 41, iss. 2, pp. 1–21.
5. Shchukina N.P. On Some Methodological Aspects of Criminological Research. In Bezverkhov A.G. (ed.). *State and Law: Questions of Methodology, History, Theory and Practice of Functioning. Collected Papers*. Samara, 2022, iss. 4, pp. 425–442. (In Russian). EDN: FQWSLQ.
6. Kvashis V.Ye. Quality Problems of Criminological Researches: The Origins and Symptoms of the Disease. *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*, 2018, no. 6, pp. 58–68. (In Russian). EDN: XOSSJF. DOI: 10.12737/art_2018_6_6.
7. Kvashis V.E. The Problems of Quality of the Researches on Victimology. *Viktimologiya = Victimology*, 2018, no. 1, pp. 7–12. (In Russian). EDN: YUUIPV.
8. Aronovicha A.M., Gedeonova N.N., Gerneta M.N.; Gernet M.N. (ed.). *The Criminal World of Moscow. Collected Papers*. Moscow, 1924, XLI, [1], 246, [2] p. (In Russian).
9. Chistyakova Y. Russian Criminology: a Silenced Voice? In Stockdale K.J., Addison M. (eds.) *Marginalised Voices in Criminology: Theory, Criminal Justice, and Contemporary Research*. 1st ed. London, 2024. 252 p.
10. Dolgova A.I. (ed.). *Criminology*. 4th ed. Moscow, Norma Publ., 2013. 1008 p.
11. Merkur'ev V.V. *Methodology and Methods of Conducting Criminological Research and Examinations (Dolgov's Readings). Materials of the IV International Scientific Conference, Moscow, March 21–22, 2024*. Moscow, 2024. 660 p. (In Russian).
12. Karpets I.I. On the Theoretical Concepts of M.N. Gernet on the Problems of Criminality. In Sakharov A.B. (ed.). *Gernet M.N. Selected Works*. Moscow, Legal literature Publ., 1974, pp. 614–622.
13. Dooley B.D., Rocque M. Criminology's Future is in its Past. *Journal of Criminal Justice*, 2023, vol. 85, pp. 102043. DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2023.102043.
14. Shelly L. Soviet Criminology after the Revolution. *The Journal of Criminal Law and Criminology*, 1973, vol. 70, no. 3, pp. 391–396.
15. Pinnow K.M. From All Sides: Interdisciplinary Knowledge, Scientific Collaboration, and the Soviet-Criminological Laboratories of the 1920s. *Slavic Review*, 2017, vol. 76, iss. 1, pp. 122–146.
16. Wright R.A. The Chronicles of the Renaissance: Recent Textbooks in Theoretical Criminology. *Journal of Criminal Justice Education*, 2000, vol. 11, iss. 1, pp. 179–201.
17. Gertsenzon A. Mikhail Nikolayevich Gernet, his Life, Public and Research Work (1874-1953). In Gernet M.N. *History of Tzarist Prisons*. Moscow, State Publishing House of Legal Literature Publ., 1960, vol. 1, pp. 614–622.
18. Lutskeyi A.I., Lutskeyi M.I., Kindyuk B.V. The Contribution of Prof. M.N. Gernet to the Development of Legal Science. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 3, pp. 519–529. (In Russian). EDN: XBLGGZ. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).519-529.
19. Gernet M.N. *Social Factors of Criminality*. Moscow, Universitetskaya Tipografiya Publ., 1905. 205 p.
20. Gernet M.N. *Studying the Personality of the Criminal in the USSR and Abroad*. Moscow, Moszdravotdela Publ., 1925. 66 p.
21. Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology: the Maturation of Critical Theory. *Criminology*, 1991, vol. 29, no. 2, pp. 293–316.
22. Gernet M.N. Tattoos in Moscow Prisons. In Aronovicha A.M., Gedeonova N.N., Gerneta M.N. [et al.]. *The Criminal World of Moscow*. Moscow, 1924, pp. 218–246.
23. Lombroso C. *L'Uomo Delinquente, studiato in rapporto alla antropologia, alla medicina legale e delle discipline carcerarie*. Milan, Ulrico Hoepli, 1876. (Russ. ed.: Lombroso C. *Criminal Man*. Moscow, Ehksmo Publ., 2005. 880 p.).
24. Wheeldon J. (ed.). *Visual Criminology. From History and Methods to Critique and Policy Translation*. 1st ed. New York, 2021. 332 p.
25. Batricevic A. The Role of Tattoos in Prison Community. *Journal of Criminology and Criminal Law*, 2020, vol. 58, iss. 3, pp. 7–22. DOI: 10.47152/rkpk.58.3.1.
26. Krasnushkin E.K. An Office of Studying the Criminal Personality and Crime. Gernet M.N. *Studying Criminal Personality in the USSR and Abroad*. Moscow, Moszdravotdela Publ., 1925. P. 21–35 p.
27. Shargorodskii M.D. Mikhail Nikolayevich Gernet. In Gernet M.N. *Selected Works*. Moscow, Legal literature Publ., 1974. P. 8–36.
28. Rafle N.H. *The Origins of Criminology*. London, 2009. 376 p.
29. Pryanishnikov E.A., Khabrieva T.YA., Lafitskii V.I. [et al.]. *History Pages and Essays of Research Schools of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation*. 4th ed. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ., 2015. 568 p.
30. Gernet M.N. *Selected Works*. Moscow, Legal literature Publ., 1974. 640 p.
31. Gernet M.N. *In Prison. Essays of Prison Psychology*. Moscow Pravo i Zhizn' Publ., 1925. 149 p.
32. Shchukina N.P. Convict Criminology in Russian Discourse. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*, 2021, vol. 7, no. 4, pp. 102–108. (In Russian). EDN: RAJZFR. DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-4-102-108.
33. Poznyshhev S.V. On Researching a Criminal in the Science of Criminal Law. *Voprosy prava = Legal Issues*, 1911, no. 8, pp. 190–231. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щукина Нина Петровна — профессор кафедры уголовного права и криминологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, доктор социологических наук, г. Самара, Российская Федерация; e-mail: nina_shukina@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shchukina, Nina P. — Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, Doctor of Sociology, Samara, the Russian Federation; e-mail: nina_shukina@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Щукина Н.П. Методология в уголовной социологии М.Н. Гернета / Н.П. Щукина. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.19(2).115-125. — EDN EFRVMP // Всероссийский криминологический журнал. — 2025. — Т. 19, № 2. — С. 115–125.

FOR CITATION

Shchukina N.P. Methodology in the Criminal Sociology of M.N. Gernet. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2025, vol. 19, no. 2, pp. 115–125. (In Russian). EDN: EFRVMP. DOI: 10.17150/2500-4255.2025.19(2).115-125.